

Поскольку час был поздний, я остался ночевать во дворце.

Наутро Отец-император призвал меня в Зал Усердного Правления. Войдя, я увидел, что Чу Шао и Чу Янь сидят на коленях, понутив головы, а государь в гневе отчитывает их.

Чутье подсказывало: нахлобучку они получают из-за меня. Я поспешно опустился на колени рядом с братьями.

Отец лишь мазнул по мне взглядом и с новой силой обрушился на провинившихся:

— О чём вы только думали?! Тащить своего третьего брата в подобное злачное место!

И впрямь из-за меня.

— Отец-император, я сам захотел пойти, они не виноваты, — поспешно заступился я.

Государь от гнева лишь горько усмехнулся:

— А ты хотя бы знаешь, что это за место?

Я хоть и соображаю медленно, но не вовсе оторван от жизни. Прошла ночь, я вспомнил двусмысленную, исполненную истомы и неги обстановку терема, шумное веселье с песнями и плясками допоздна — и до меня наконец дошло: нас занесло в заведение весьма сомнительной репутации. Праздный дом, сиречь бордель.

Я сознался как есть. Выражение лица государя стало весьма странным.

— И зачем тебя туда понесло?

— Я... — Я запнулся.

Мысленно перебрав события вчерашнего вечера, я вспомнил, что мы не совершили ничего предосудительного, даже чай пили без всякого удовольствия. Но Отец-император выжидающе смотрел на меня, и я пробормотал, заикаясь:

— По... посмотреть на... на красавиц.

Чу Шао не сдержался и фыркнул. Государь сдвинул брови и смерил его строгим взглядом, однако тяжелое напряжение в зале спало.

— Поднимитесь, — вздохнул император.

Мы встали. Отец снова обратился к Четвёртому:

— Из всех братьев ты самый выдумщик. Но даже для твоих проказ есть предел. Запомнил?

Чу Шао с поклоном покорно согласился, а пока государь не видел, подмигнул мне и вместе с Чу Янем покинул Зал.

В покое мы остались вдвоем. Вчера я поднял отца среди ночи, сегодня сознался в посещении публичного дома — оставалось лишь покорно склонить голову и ждать суровой нахлобучки. Однако император лишь ласково опустил ладонь мне на плечо:

— Ты твердо решил?

Я замешкался, а затем понял: он снова спрашивает о Сюй Цинцзэ. Мой ответ ничем не отличался от вчерашнего:

— Да. Мне нужен только он.

Взгляд Отца-императора потеплел, но в нём проскользнула глубокая, затаенная грусть:

— И-эр, ты уже взрослый. А взрослому человеку приходится самому отвечать за свои поступки и нести последствия принятых решений. Ты готов?

— Готов, — ответил я без колебаний.

Ради Сюй Цинцзэ я выдержу что угодно.

Отец ободряюще сжал мое плечо и вернулся к письменному столу:

— Ищи радость в своем выборе. Ступай к себе и жди.

Я покинул дворец на крыльях счастья, сердце ликовало, а с губ не сходила улыбка. Вспомнив о вчерашнем гадателе, я велел кучеру править к той самой улице.

Предсказатель сидел на прежнем месте возле своей скромной, никого не привлекавшей лавки. Моему появлению он ничуть не удивился.

— Я скоро женюсь, — объявил я.

Он лишь загадочно улыбнулся в ответ.

— Мой избранник живет прямо здесь, в Императорской столице. Вчера ты ошибался.

Но гадатель продолжал хранить молчание, лукаво улыбаясь.

Пусть меня и считали дурачком, я всё же оставался императорским сыном. Прежде никто не смел так откровенно игнорировать мои слова. И всё же зла на него я не затаил — от этого человека веяло благородством и удивительной утонченностью. Он казался настолько необычным, что сразу пришелся мне по душе.

— Пойдем со мной, — предложил я.

Не произнеся ни слова, он подхватил лежавший у ног скромный узелок и последовал за мной в экипаж.

По дороге в усадьбу он открыл мне свое прошлое. Сирота, с малых лет скитавшийся по свету, он однажды обнаружил в себе дар: читая знаки на звездном небе, прозревать грядущие события. С тех пор он нарек себя Гуаньи — «Внимающий Знамениям» — и стал зарабатывать на жизнь предсказаниями.

— А твои предсказания точно сбываются? — спросил я и сам же ответил: — Думаю, нет. Насчет моей невесты ты промахнулся.

Вспомнив о Чуньли, Сяфэне и Дунцзы, чьи имена хранили память о временах года, я добавил:

— У тебя ведь нет родовой фамилии? Отныне будешь носить фамилию Цю — Осенний.

Он искренне улыбнулся и склонил голову:

— Благодарю Ваше Высочество за щедрый дар.

Так в моем поместье появился предсказатель по имени Цю Гуаньи. По столице поползли слухи, будто Третий принц приблизил к себе астролога в качестве советника. Однако советники мне были без надобности. Мне просто понравился этот человек, и я хотел дать ему сытный кров. Ну и, конечно, доказать, что его пророчества — чистейшая выдумка.

\*\*\*

Тем же вечером по указу Отца-императора Сюй Цинцзэ доставили в мои покои.

Льющийся из окон лунный свет смешивался с дрожащим пламенем свечей. За столом сидел Сюй Цинцзэ в белоснежных одеяниях. В тонких чертах его лица застыли холод и отчуждение, а взгляд был полон колючей ледяной стужи. Этот взгляд болью отозвался у меня в груди, и я замер на пороге.

Он же молча принялся раздеваться.

Я ошеломленно наблюдал, как с его плеч соскальзывает верхнее платье, как пальцы распутывают пояс. Когда шелковая лента упала на пол, я наконец обрел дар речи и запнулся:

— Что... что ты делаешь?

— Разве Ваше Высочество выпросили у государя вышний указ не для того, чтобы заставить меня покориться вашей похоти? — прозвучал пропитанный ядовитой насмешкой голос.

Я совершенно не понял, о чём он говорит.

Ведь говоря «он нужен мне», я имел в виду совсем иное! Я хотел сделать его своей законной супругой, жить в согласии, как в далеком детстве, проводить дни в доверительных беседах, делиться любимым лакомством из маша и подарить ту самую россыпь цветных камешков, что я берег долгие годы.

Но зачем же сбрасывать одежды? Ведь до отхода ко сну было ещё далеко!

— Накинь платье, — попросил я. — Похолодало.

Сюй Цинцзэ лишь презрительно ухмыльнулся:

— К чему эти лицедейства, Ваше Высочество? Ещё вчера вы пропадали в публичном доме, а нынче изображаете невинность? Вся Поднебесная знает об увлечениях Третьего принца мужеложством, стоит ли скрывать очевидное? Коли пришли забрать мое тело — берите и не тяните время.

На сей раз до меня кое-что дошло.

В народе и впрямь судачили, будто Третий принц — неполноценный и к тому же содомит. Но всё это было лишь гнусной клеветой! Я никогда не питал страсти к мужчинам. Истоки же этих слухов уходили в далёкое прошлое, к моменту, когда мне исполнилось четырнадцать.

Тогда я впервые излился во сне, и в ту же ночь Матушка-императрица подослала ко мне молодую служанку. Зачем-то матушка велела положить её в мою постель. Девушка льнула ко мне всей плотью, тело её горело, а с губ срывались жаркие мольбы и стоны. Она всё просила:

«Войди... войди в меня!». А я ума не мог приложить, куда именно я должен войти. На все мои расспросы она лишь всхлипывала и сквозь слёзы ругала меня дураком.

Кроткий от природы, я долго терпел её приставания ради уважения к матушке, но в конце концов лишился терпения. Покой мой был разрушен, я рассердился и прогнал её из покоев. А уже на следующий день по дворцу, а следом и по всей столице со скоростью лесного пожара разнеслась весть: Третий принц предпочёл бы мужчину.

Много лет я ломал голову над той загадкой и пришёл к единственному выводу: раз я не отыскал тайную дверь, меня нарекли содомитом.

Но какова несправедливость! Человек ведь сотворён цельным, плоть его сомкнута, а не распахнута настежь — как, скажите на милость, искать в нём какие-то врата? Да будь они хоть трижды явными, у меня не было ни малейшего желания обшаривать тело чужой девицы.

И вот теперь Сюй Цинцзэ с ненавистью смотрел на меня, бросая это холодное: «Берите же!». Его слова пробудили в памяти давнее слёзное: «Войди в меня, войди!».

Неужто и Сюй Цинцзэ хочет, чтобы я искал в нём какую-то дверь? Но зачем?

Мне противно, когда кто-то раздевается передо мной, противно чувствовать прикосновение чужого обнажённого тела. И даже Сюй Цинцзэ не был исключением.

Должно быть, мой взгляд выражал настолько непреодолимое отвращение, что Сюй Цинцзэ замер, а затем медленно поднял с пола одежды и облачился вновь.

Я опустил на стул и задал вопрос, который тяготил меня долгие годы:

— Сюй Цинцзэ... почему ты больше не относишься ко мне так, как в детстве?

В детстве все избегали глупого принца, и только Цинцзэ делился со мной тайком пронесённой печёной бататой, вместе со мной часами разглядывал муравьиные тропы и заботливо набрасывал мне на плечи свой плащ.

Почему же люди меняются?

Сюй Цинцзэ посмотрел на меня безучастно и глухо ответил:

— В детстве Ваше Высочество не слыли содомитом.

— Да не содомит я! — с горячностью возразил я.

Мне хотелось объяснить всё, рассказать о той глупой ошибке, но мысли путались, а слова давались с трудом. Я не успел произнести и фразы, как он жёстко перебил меня:

— Род Сюй из века в век верой и правдой служил престолу! Мы — семейство ученых и сановников, мой отец — Великий наставник трёх государей, а наше имя безупречно! — Сюй Цинцзэ говорил всё громче, в его голосе закипела давняя боль, а взгляд прикипел к моему лицу. — Вы, Ваше Высочество, урождённый принц крови, вам нечего заботиться о людском злословии! Но для моего рода честное имя — дороже жизни! Вы без стыда твердите на каждом углу о своей любви, вы смеее выкликать моё имя во дворце! Каково мне слышать шепотки за спиной?! Как мне после этого смотреть в глаза сановникам?! Коли Ваше Высочество испытывает пагубную страсть к мужчинам — к вашим услугам вся Поднебесная! Зачем же вам потребовалось губить именно меня?!

— Я вовсе не... — беспомощно попытался вставить я, но он снова не дал мне вымолвить и слова.

— Сюй с молодых ногтей лелеял высокие помыслы! Я мечтал служить государству, облегчать жизнь народу, оставить след в истории! — Сюй Цинцзэ взглянул на меня с беспредельной, сжигающей ненавистью и отчеканил с расстановкой: — А нынче из-за вашей вздорной «любви» я обязан бросить всё, к чему стремился, и превратиться в презираемого всеми наложника! Вы растоптали мою жизнь. Чу И, я ненавижу тебя.

Я словно со стороны услышал собственный тихий голос:

— Зачем же... зачем ты заботился обо мне в детстве?

— Из жалости! — с ледяным презрением бросил Сюй Цинцзэ. — Видел, какой ты беспомощный и жалкий. Но коли ты помнишь моё добро, отчего платишь за него такой черной неблагодарностью?! Зачем чернишь моё имя и держишь в заперти, точно пленника?!

Вот, значит, как... Моя любовь оказалась «черной неблагодарностью». Всё, что я берёг для него, всё, чем хотел одарить, вызывало в нём лишь отвращение.

Сюй Цинцзэ продолжал что-то говорить, распаляясь всё сильнее, но я больше не различал слов.

Я заворожённо смотрел на него и вдруг заметил, как вокруг его фигуры клубится едва различимая белёсая дымка, медленно проникая в самое его существо. Он больше не был человеком, сотворённым из неуловимого ветра. Он стал человеком, сотворённым из тумана.

Людей из тумана мало, но они не уникальны.

Прежде я полагал, будто он предпочёл Наследного принца лишь потому, что я скуп умом. Но истина оказалась куда горше: моё чувство вызывало в нём брезгливость. В моих порывах он

видел лишь яд, способный погубить его репутацию и уничтожить будущее.

К счастью, с ранних лет Отец-император и Матушка-императрица твердили мне: член правящего дома не смеет унижаться и ронять достоинство. Если моим чувством пренебрегают, навязываться я не стану.

И тогда я произнёс то, что так давно хотел вымолвить. Твёрдо и чётко:

— Я не содомит.

Сюй Цинцзэ, застигнутый на полуслове, осекся и ошеломленно воззрился на меня.

— Уходи, — добавил я.

Он, казалось, не поверил своим ушам.

Я отвернулся, не желая больше видеть его лица, и повторил:

— Уходи. Служи государству, совершай подвиги.

За моей спиной повисла тяжелая тишина. Наконец раздался шаг — всё тише и тише, пока не замерли вдали.

Я не шелохнулся. Из глаз невольно брызнули слёзы.

Оказывается, даже если человек, которого ты любил с малых лет, оказался ошибкой, вырвать его из сердца без боли невозможно.

Я безудержно рыдал, всхлипывая всё громче, и мир вокруг расплывался в тумане слёз. Из небытия меня вырвал громкий, исполненный лукавства голос:

— Ваше Высочество! Скажите на милость, а ведь слова моего негодного рта оказались пророческими, а?

Утерев слезы, я обернулся и уставился на Цю Гуаньи. Гадатель стоял неподалеку, и губы его кривились в довольной ухмылке.

От этого обида захлестнула меня с новой силой. Он смеётся! Как он смеет смеяться, когда его господин обливается слезами?!

— Ты... ы-ы-ы... — прорыдал я. — В этом месяце... лишу тебя половины жалованья!

Цю Гуаньи осекся и поспешно убрал улыбку. Было видно, что он пытается подобрать утешительные слова, но его язык, привыкший лишь к предсказаниям да плутовству, совершенно не годился для сочувствия. Почесав затылок, он просто замер рядом.

Я хотел брякнуть ему ещё какую-нибудь колкость, но пока медленно ворочал мыслями в голове, перебирая ругательства, слёзы просохли сами собой.

— Ты... — всё же попытался я уколоть его и после долгих раздумий выжал из себя: — Ты просто болтун и злой язык!

Цю Гуаньи лишь усмехнулся. Он увлёк меня в сад, поднял руку и указал на ночное небо:

— Взгляните, Ваше Высочество. Вон та звезда — это Звезда Красного Феникса. Видите, насколько ярче она сияет по сравнению с прочими?

Я долго вглядывался в указанную точку, пока наконец не различил чистый, пронзительный свет:

— И впрямь сияет.

— Звезда Красного Феникса пришла в движение и едва заметно склонилась к небесному центру, — торжественно произнес Цю Гуаньи. — Сие предвещает зарождение истинного чувства и крепкого союза. Знак величайшего блага. Судя по вашей астрологической карте, в нынешнем году эта звезда входит в ваш главный дом. Так стоит ли печалиться? Нынешняя разлука — лишь избавление от дурной судьбы, дабы Ваше Высочество смогли встретить того, кто предназначен вам свыше.

Речь его изобиловала мудреными книжными оборотами, и я мало что понял, но осознал главное: он изо всех сил пытается загладить вину.

— Через семь дней... и впрямь появится тот, кто предназначен мне судьбой? — переспросил я.

— Уже через шесть, — поправил гадатель.

— Ну что ж, поверю тебе ещё раз.